

Добравшись до дома Цзи Цзиня, Шэнь Цинъюй сам приложил карту к замку и поднялся наверх. Двери лифта разошлись, явив огромную, погружённую в темноту квартиру. В груди неприятно ёкнуло. Но уже в следующую секунду в прихожей сработал датчик движения — вспыхнул мягкий свет, выхватив небрежно сброшенные у порога туфли Цзи Цзиня. С души парня мгновенно скатился тяжёлый камень.

Он на цыпочках вошёл в спальню Цзи Цзиня и включил свет. С кровати тут же раздался испуганный, резкий окрик:

— Выключи свет!

Шэнь Цинъюй застыл. Цзи Цзинь укутался в одеяло с головой, превратившись в глухой кокон. Говорил он с сильной гнусавостью — явно плакал... а возможно, беззвучно плакал и сейчас.

Поколебавшись пару секунд, Шэнь Цинъюй щёлкнул выключателем, возвращая комнату во тьму.

Решив не тревожить его сейчас, он бесшумно отступил назад, вышел на балкон и набрал Су Ань.

— Алло? Сестра Ань, я нашёл А-Цзиня, он у себя дома... Да, всё в порядке, уже лёг спать... Слушайте, может, отменим его завтрашние дела? Ему действительно нужно как следует отдохнуть... Хорошо, и вы ложитесь, доброй ночи.

Через пару минут он повесил трубку и вернулся в спальню. Цзи Цзинь по-прежнему лежал, свернувшись под одеялом. Шэнь Цинъюй не представлял, что творится у того на душе, и не смел насильно стягивать с него плотную ткань. Одно он знал точно: сейчас А-Цзиню нужно уединение. Иначе с чего бы ему срываться среди ночи из отеля и мчаться домой?

— Спи, я не буду тебе мешать, просто побуду рядом, — тихо проговорил Шэнь Цинъюй. — Если не хочешь, чтобы я здесь оставался, я уйду.

Ответа не последовало. Лишь спустя минуту в тишине послышался едва уловимый шорох — одеяло слегка шевельнулось.

Значит, выгонять его не собирались.

Шэнь Цинъюй мельком глянул на экран телефона: стрелки приближались к четырём часам утра. Для спортсмена, привыкшего строго соблюдать режим, эти два дня выдались самыми безумными за последние четыре года. Наверное, когда улеглась тревога за Цзи Цзиня, накопившаяся за ночь усталость навалилась разом. Стоило Шэнь Цинъюю присесть на край постели, как его накрыла тяжёлая сонная волна.

Он тихонько прошёлся по квартире в поисках пристанища. В гостевой комнате действительно обнаружилась кровать, но там явно годами никто не спал: голый каркас без матраса и белья. Диван в гостиной был завален какими-то коробками и вещами — трогать их без спросу парень не решился. Делать нечего, пришлось вернуться в спальню.

— Если ты не против, я прилягу рядом? — едва слышно шепнул Шэнь Цинъюй.

В ответ — ни звука. Из-под одеяла не доносилось ни шороха; возможно, А-Цзинь уже заснул.

Шэнь Цинъюй со своим тренированным телом привык терпеть любую боль и любые нагрузки, но перед голодом и недосыпом пасовал даже он. К счастью, кровать у Цзи Цзиня была королевских размеров. Парень стянул куртку и бесшумно прилёг на самом краю. Свободного места между ними хватило бы ещё на двоих.

Стоило голове коснуться подушки, как веки налились свинцом, и меньше чем через минуту Шэнь Цинъюй уже крепко спал.

На следующее утро Цзи Цзинь проснулся около половины одиннадцатого. Шэнь Цинъюй всё ещё спал. Едва разомкнув веки, Цзи Цзинь сразу наткнулся взглядом на спящего рядом парня.

Вчерашний вечер вихрем пронёсся в мыслях. Цзи Цзинь замер, не сводя с него заморожённого взгляда.

В профиль спящий Шэнь Цинъюй был удивительно хорош собой, но почему-то сейчас его лицо казалось более суровым, чем обычно. Наверное, дело было в резких, мужественных чертах: упрямые брови вразлёт, высокая переносица, чётко очерченный волевой подбородок — слащавым красавчиком его точно нельзя было назвать. Ощущение безграничной мягкости исходило от него лишь тогда, когда он открывал глаза и улыбался.

«Интересно, у него с рождения такой характер? — подумал Цзи Цзинь. — В какой семье нужно вырасти, чтобы стать настолько понимающим и надёжным?»

Когда наваждение рассеялось, Цзи Цзинь с удивлением обнаружил, что сам не заметил, как придвинулся к Шэнь Цинъюю почти вплотную.

Приподнявшись на локте, он робко протянул руку к его лицу. Ему отчаянно хотелось удостовериться, что всё это происходит наяву, а не в очередном зыбком сне.

Кончики пальцев замерли в миллиметре от чужих губ. Шэнь Цинъюй ровно и глубоко выдохнул, обдав его кожу тёплым воздухом. Это прикосновение показалось Цзи Цзиню обжигающим, и он испуганно отдернул руку, словно коснулся раскалённого металла.

Должно быть, движение вышло слишком резким. Шэнь Цинъюй слегка нахмурил брови, но так и не проснулся — лишь повернулся на бок, лицом к Цзи Цзиню, и продолжил безмятежно дышать.

Цзи Цзинь замер, боясь пошевелиться.

Опустившись обратно на подушку, он лежал неподвижно и молча смотрел на него.

Время текло незаметно. Наконец Шэнь Цинъюй сонно завозился и приоткрыл глаза. Цзи Цзинь мгновенно перевернулся на спину, уставившись в потолок.

Сладко зевнув, Шэнь Цинъюй сел на постели и взял с тумбочки телефон. Стрелки приближались к половине одиннадцатого утра. На экране светились пропущенные сообщения от Су Ань.

Первое пришло в начале девятого: Су Ань спрашивала, проснулся ли он. Не получив ответа, она резонно рассудила, что парень отсыпается за бессонную ночь, и в следующем сообщении написала, что все съёмки и встречи Цзи Цзиня на сегодня отменены. В конце она просила перезвонить ей, как только он проснётся.

Шэнь Цинъюй скользнул взглядом по лицу Цзи Цзиня. Тот лежал неподвижно, зажмурив глаза. Решив, что парень крепко спит, Шэнь Цинъюй на цыпочках покинул спальню.

Минут через пять из спальни донёсся шорох. Шэнь Цинъюй поспешно заглянул туда и обнаружил, что Цзи Цзинь уже сидит в постели.

— Проснулся? — спросил он.

— Угу.

— Как себя чувствуешь?

Цзи Цзинь ответил лишь через несколько секунд:

— Устал.

— Я только что созванивался с сестрой Ань, — поспешил успокоить его Шэнь Цинъюй. — Она со всеми переговорила. Сегодня никаких съёмок, отдыхай дома. В обед она заедет проведать тебя.

— Пусть не приезжает, — глухо отозвался Цзи Цзинь. В его голосе не чувствовалось ни капли

жизни. — Я никого не хочу видеть.

Шэнь Цинъюй замаялся. Было не совсем понятно: намёк ли это на то, что ему самому пора убираться, или его присутствие не тяготит Цзи Цзиня?

Впрочем, пока его не гнали прямым текстом, Шэнь Цинъюй решил проявить упрямство и остаться. Оставлять Цзи Цзиня одного в таком разбитом состоянии он не решался.

— У тебя найдётся запасная зубная щётка? — негромко спросил Шэнь Цинъюй. Вещей он с собой не брал, так что элементарно умыться было нечем.

— Посмотри в ванной, под раковиной. В одном из двух ящиков должна быть новая, — приглушённо отозвался Цзи Цзинь. — Бритва и средство для умывания — в шкафчике за зеркалом.

Вскоре Шэнь Цинъюй, успевший привести себя в порядок, вернулся:

— А-Цзинь, перекусить не хочешь?

Он подбирал слова с крайней осторожностью — очень хотелось расшевелить А-Цзиня, но ещё сильнее парень боялся перегнуть палку, заставив того вновь спрятаться в свою раковину.

— Аппетита совсем нет, — отозвался Цзи Цзинь. Он немного помолчал и, рассудив, что морить себя голодом тоже не дело, вздохнул: — Свари какой-нибудь жидкой каши.

— Договорились, — с готовностью кивнул Шэнь Цинъюй.

Он отправился на кухню и принялся за инспекцию шкафов. Нашёлся рис, в морозильной камере обнаружилась курица, а вот со свежей зеленью и овощами было туго. К счастью, в одном из шкафчиков нашлось несколько упаковок сушёных грибов. Шэнь Цинъюй решил приготовить классическую негустую рисовую кашу с курицей и грибами шиитаке — просто, сытно и полезно.

Пока Шэнь Цинъюй резал мясо, в дверях кухни бесшумно появился Цзи Цзинь. Вообще-то он думал, что парень просто закажет доставку, и никак не ожидал увидеть его у плиты.

— Ты умеешь готовить? — удивился Цзи Цзинь.

— Если бы не умел, вряд ли дотянул бы до совершеннолетия, — самокритично усмехнулся Шэнь Цинъюй.

Цзи Цзинь удивлённо приподнял брови.

— Подожди полчаса, я на скорую руку соображу что-нибудь, скоро будет готово.

Цзи Цзинь не спешил уходить. Он прислонился к косяку, молча наблюдая за чужими движениями. Спустя пару минут негромко спросил:

— Палец не болит?

Указательный палец Шэнь Цинъюй всё ещё скрывался под плотным слоем марли. Боясь намочить повязку, он смешно оттопыривал его, когда мыл нож и доску. Впрочем, травмы для него были привычным делом, так что этот пустяковый порез работе никак не мешал.

— Да ладно тебе, пустяки, — улыбнулся Шэнь Цинъюй. Поняв, что А-Цзинь хоть и держится отстранённо, но от общения не отказывается, он попытался завязать беседу: — А-Цзинь, а ты сам дома что обычно ешь?

— Я дома-то бываю от силы несколько дней в месяц, — ответил Цзи Цзинь. — Обычно мне доставляют готовые рационы от моей команды диетологов.

Поскольку сегодня съёмки отменились в последний момент, везти обед, разумеется, никто не стал.

Шэнь Цинъюй закончил с куриным филе и переключился на сушёные грибы. Убедившись, что они хорошенько размякли в воде, он переложил их на разделочную доску и быстро нарезал мелкими кубиками.

— А-Цзинь, — как можно мягче и непринуждённее спросил он, — тебя что-то беспокоит физически? Как ты себя чувствуешь?

Цзи Цзинь долго хранил молчание. Лишь когда Шэнь Цинъюй дорезал последние грибы, он отвернулся к окну и тяжело вздохнул:

— Врачи говорят, у меня биполярное расстройство.

— Биполярное?... — тихо повторил Шэнь Цинъюй.

— Биполярное аффективное расстройство, — пояснил Цзи Цзинь. — Про маниакально-депрессивный психоз слышал? Это то же самое.

Произнеся эти слова, Цзи Цзинь судорожно вцепился пальцами в край столешницы. Ему

безумно хотелось увидеть реакцию собеседника, но в то же время было невыносимо страшно наткнуться на непонимание или жалость в его глазах. Всё его тело напряглось до предела.

Шэнь Цинъюй прекрасно знал, о чём речь. За последние несколько лет он перечитал кучу литературы по прикладной психологии и неплохо ориентировался в симптомах популярных расстройств. Собственно, именно благодаря этим знаниям он так быстро догадался, что взрывной характер Цзи Цзиня — это не капризы звезды, а проявление болезни.

В тишине раздался шум воды — Шэнь Цинъюй спокойно вымыл руки. Послышались негромкие шаги, и парень остановился прямо перед ним. Цзи Цзинь так и не поднял головы, глядя куда-то в пол перед собой, поэтому заметил лишь, как Шэнь Цинъюй делает шаг навстречу и мягко разводит руки в стороны.

Жест был робким, ненавязчивым. Цзи Цзинь не шелохнулся, и тогда Шэнь Цинъюй бережно, но крепко прижал его к себе.

Шэнь Цинъюй не умел подбирать витиеватые слова утешения. Всю сознательную жизнь он отдал спорту, проводя дни среди тренеров, спарринг-партнёров и суровых бойцов — мужчин прямолинейных и не склонных к сантиментам. Ему была чужда тонкая психология, но он твёрдо знал: порой простое объятие, крепкое рукопожатие или дружеский жест заменяют тысячи пустых фраз.

У Цзи Цзиня снова защипало в глазах. В депрессивной фазе слёзы подступали к горлу по малейшему поводу, и справиться с этой слабостью он был просто не в силах.

Он уткнулся лицом в крепкое плечо Шэнь Цинъюя. Объятие вышло долгим, тихим и до странности успокаивающим.

Они стояли так, пока на плите шумно не закипела кастрюля. Шэнь Цинъюй неохотно отстранился и отправил нарезанную курицу вместе с грибами в бульон.

Ещё минут через пятнадцать каша уварилась и загустела. Шэнь Цинъюй выключил огонь, разложил дымящееся блюдо по глубоким тарелкам и перенёс на стол.

Они принялись за еду, не торопясь, ложка за ложкой уничтожая горячую кашу и негромко переговариваясь.

— Сестра Ань ничего не знает о твоей болезни? — спросил Шэнь Цинъюй.

Цзи Цзинь покачал головой:

— Она догадывалась, что со мной что-то не так. Но я убедил её, что у меня просто с детства такой паршивый характер. Она и поверила.

Впрочем, Цзи Цзинь не то чтобы врал. С самого детства он отличался замкнутостью, тяжело сходилась с людьми, принимал всё близко к сердцу, а во время занятий музыкой и вовсе словно проваливался в другое измерение. Проблемы начались позже: во взрослом возрасте приступы стали тяжелее, добавились физическая слабость и недомогания. Когда болезнь начала напрямую мешать работе, он наконец дошёл до клиники.

К тому же большинство людей имеют весьма смутное представление о душевных расстройствах — об одной только депрессии заговорили относительно недавно. Сталкиваясь с перепадами настроения Цзи Цзиня, окружающие обычно списывали всё на «скверный характер», «придурь» или снисходительно хмыкали: «Обычные капризы гения».

Прежде чем Шэнь Цинъюй успел задать следующий вопрос, Цзи Цзинь тихо произнёс:

— Я никому не рассказывал о своём диагнозе. Ты первый, кто узнал.

Шэнь Цинъюй на мгновение замер от удивления и выпалил:

— А как же Сяо Ицзе?

При звуках этого имени Цзи Цзинь мгновенно переменился в лице. Он с глухим стуком отложил ложку.

— Я ему ничего не говорил! — зло выплюнул он.

<http://bllate.org/book/18263/1748559>